На следующий день мама вернулась из командировки, и я всё ей рассказал.

— Не смей наговаривать на отца! — гневно выкрикнула мать, отвесив мне пощёчину.

Очевидно, она мне не поверила. Не захотела верить.

— Но это правда! — вмешалась, стоявшая рядом, Мидзуха.

— Нет, это невозможно. Не знаю зачем вы хотите оклеветать отца, но я в это ни за что не поверю! — сердито выкрикнула она.

— Если не веришь нам, то может фотографии тебя убедят, — зашёл я с другой стороны, показывая ей компромат, присланный Юмико.

— Нет-нет-нет! — запричитала мама, просмотрев все фото до единого, — Это не может быть правдой, — попятилась она назад, закрыв лицо руками.

— Прости, видимо лучше было бы держать тебя в неведении, — сказал я, потирая щёку, на которую пришёлся удар.

— Что? — непонимающе прошептала она.

— Не у всех хватает сил принять правду. Ты можешь забыть всё, что я тебе сказал, посчитав мои слова ложью и продолжить играть в идеальную семью. Всего-то и нужно, что закрывать глаза на отлучки отца, каждый раз принимая на веру его отговорки. Убеждать себя, что она, действительно, в командировке, а не веселится с очередной пассией. Не так уж и трудно, да? В конце концов чувство самоуважения не такое уж и нужное в наше время качество.

— Нет, — твердо сказала она, — Я никогда не пойду на такое.

Теперь вместо жалости к себе в её глазах читался гнев. А на место обречённости пришла решимость.

Я же внимательно рассматривал женщину перед собой, являющуюся матерью этого тела. Впервые мне представилась возможность увидеть её своими глазами и сравнить с тем, какой она сохранилась в памяти Кейки. И должен сказать, что ничуть не разочарован. Длинные чёрные волосы, притягивающие внимание глаза фиолетового отлива и фигура, достойная быть запечатлённой на картинах лучших художников этого мира. Но это лишь обёртка, больше всего меня привлёк её пылкий нрав, удивительным образом сочетающийся с верностью и покладистостью. Она подпадает под типаж женщин, от которых мне трудно отвести взгляд.

Покачав головой, отогнал крамольные мысли, напомнив себе, что не стоит заглядываться на

собственную мать, пусть я и являюсь её сыном лишь по крови.

— Тогда давай думать, что будем делать дальше, — ответил я с подбадривающей улыбкой на лице, — Мидзуха, поставь, пожалуйста, чайник.

— Хорошо, — кинулась она выполнять мою просьбу

***

Снова утро, снова в школу. Благо хоть последний день, а после благословенный выходной. И свидание с Шизукой Хирацукой.

Вчерашний наш разговор с матерью закончился тем, что она приняла решение подать на развод. Даже взяла отпуск на работе, чтобы полностью погрузиться в бракоразводный процесс. Хотя отпуск нужен ей ещё и для моральной разгрузки, всё-таки не каждый день узнаёшь о измене своего мужа.

Чем мама меня смогла удивить, так это тем, что не стала звонить отцу и устраивать скандал, как я того ожидал. Мы с Мидзухой всячески старались поддержать её вчера и, судя по всему, ей это помогло. Ну или я выдаю желаемое за действительное.

Вопреки устоявшемуся порядку, сегодня обязанность по приготовлению завтрака взяла на себя не сестра, а мама. И заверила, что так будет каждый день, по крайней мере, пока она не вернётся на работу.

Позавтракав, мы с Мидзухой одели школьную форму и прошли в прихожую, чтобы обуться.

— Удачи в школе, — произнесла мать, снимая фартук, который обычно я видел на сестре. И если на Мидзухе он сидел просто хорошо, то на куда более фигуристой маме, он смотрелся скорее даже вызывающе. А она ещё и будто бы нарочно затянула его так, что я стал опасаться за фартук, явно не предназначенный сдерживать такую нагрузку. Из-за этого мой взгляд постоянно соскальзывал на его крепления и чуть ниже, дабы удостовериться, что всё будет в порядке. И это, определённо точно, единственная причина.

— Спасибо, — ответили мы с Мидзухой практически в унисон, — Тебе тоже удачного дня. Если что-то будет нужно, звони, — произнёс я, всё ещё беспокоясь за неё.

Вот вроде бы совершенно чужой мне человек, но что-то не позволяет мне просто плюнуть на её

проблемы. Возможно, это из-за памяти Кейки, которую мне с каждым днём становиться всё труднее отделять от своей, но я и правда воспринимаю эту женщину, если и не как мать, то как близкого родственника уж точно. Странно лишь то, что с отцом я такой степени родства я совершенно точно не ощущал. Хотя и настоящий Кейки не был с ним так уж близок, интуитивно ощущая некую холодность с его стороны.

— Сынок, прости за вчерашнее. Мне очень стыдно, что я тебя ударила, — повинилась мама, виновато склонив голову. Мидзуха в этот момента уже успела переступить порог дома, а потому не могла услышать её слов.

— Ничего страшного, я понимаю, как тяжело тебе было слышать, и тем более поверить в то, что я сказал.

— Меня это не оправдывает. Я должна была сразу тебе поверить, а вместо этого сорвалась, обвинив во лжи. Плохая из меня вышла мать, — горько сказала она, сжав край футболки трясущимися руками. Её глаза увлажнились и с них вот-вот были готовы сорваться слёзы.

— Если бы я так считал, то прямо бы об этом и сказал, — не согласился я с её уничижительным заявлением, — Ты замечательная. Просто пообещай, что больше не будешь заниматься рукоприкладством, — улыбнулся я, приобняв маму за талию.

— Больше никогда. Обещаю! — обняла она меня в ответ.

Японский дом устроен так, что прихожая имеет два уровня. Первый уровень прилегает к двери и называется «гэнкан». Чаще всего он занимает совсем небольшую площадь и предназначен, чтобы оставлять здесь обувь, прежде чем пройти на следующий уровень. Разница между уровнями составляет около 20-30 сантиметров, благодаря чему грязь и пыль с улицы не разносится по всему дому.

Прямо сейчас я находился в гэнкан, а мама стояла на следующем уровне, возвышаясь надо мной. Из-за, когда она заключила меня в объятья, моё лицо было вжато в её внушительных размеров грудь.

— Это определённо самая лучшая смерть из возможных, — прохрипел я от недостатка воздуха.

Поняв в каком положении мы находимся, мать отпрянула, смущённо отведя взгляд.

— Вам пора, иначе опоздаете, — оперативно сменила она тему.

— Ты права, — согласился я, разворачиваясь к двери, — И знаешь, ради такого примирения не жалко и вторую щёку подставить. — шутливо бросил я напоследок и захлопнул дверь, не дав ей возможности что-либо на это ответить.

— Брати-и-ик, тебе меня уже мало? Решил и на мать нацелиться? — подозревающе сощурилась Мидзуха.

— Ты о чём, сестрёнка? — невинно захлопал я глазами.

— Да так, просто радуюсь, что у нас не многодетная семья, — произнесла она тоном «ну чего ещё можно было от него ожидать?».

— Не понимаю о чём ты, но кажется, ты хочешь вменить мне нечто аморальное. И я обижен до глубины души.

— Ну да, конечно, — не поверила она моей патетичной речи, продолжив сверлить осуждающим взглядом.

— Пойдём уже, а то ведь опоздаем, — тяжело вздохнул я, в глубине души понимая, что её подозрения совсем не беспочвенны. Мы можем управлять своими действиями, но не желаниями. И я здесь не исключение. Однако, есть желания, которым никогда не суждено стать действиями. И это одно из них.

http://tl.rulate.ru/book/77/1649